

Если выбирать между Фаустом и Прометеем,
я предпочитаю Прометея.

Бальзак

Введение

Перед вами — жизнеописание Бальзака. Жизнеописание, а не критическое исследование. Филипп Берто сказал все о взглядах Бальзака на религию; Курциус, Ален, Гаэтан Пикон — о мировоззрении Бальзака; Бернар Гийон, Доннар, Вюрмсер — об отношении Бальзака к жизни социальной; Жан Помье, Морис Бардеш, Пьер Лобрие — о творчестве Бальзака; Пьер Абраам, Фелисьен Марсо, доктор Фернан Лотт — о персонажах Бальзака; Роже Пьерро и Жан А. Дюкурно — о переписке Бальзака. Марсель Бутерон сказал все обо всем. Целая когорта отлично знающих предмет бальзаковедов — от Мари-Жанны Дюрри до Пьер-Жоржа Кастекса, от Пьера Моро до Антуана Адана, от Мориса Регара до Сюзанны Ж. Берар, от Мадлен Фаржо до Мари-Анны Мейнингер и многих других, которых я упомяну в свое время, — занималась его произведениями: они писали предисловия к романам Бальзака или рассматривали дотолемало изученные стороны его творчества. Ни один писатель, если не считать Шекспира, не вызывал такого поклонения, и ни один писатель не был в такой мере этого достоин. Бальзака изучали и будут исследовать впредь, как изучают и исследуют мир, потому что он и есть целый мир.

Жизнеописания Бальзака, которыми мы располагаем (а среди них есть и весьма примечательные, например книги Андре Бийи и Стефана Цвейга), появились еще до расцвета научного бальзаковедения. Я сделал попытку подвести некий итог. Кое-кто скажет: «Что нам до жизни Бальзака? Важны только его творения». Этот старый спор

мне всегда представлялся пустым. Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснить только его жизнью; мы знаем, что самые значительные события в жизни творца — это его произведения. Но жизненный путь великого человека и сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что «таинственные законы плоти и чувства» управляют творчеством, как и жизнью. Казалось бы, трудно отыскать точки соприкосновения между творцом, порождающим собственный мир, и веселым толстяком, которого забавляют каламбуры. И все же это необходимо сделать. В силу непрестанного взаимопроникновения поступки, мысли, встречи Оноре де Бальзака питали «Человеческую комедию». Мы постараемся рассмотреть некоторые аспекты этой таинственной алхимии.

Бальзак хотел быть секретарем современного ему общества; я здесь выступаю лишь в роли секретаря Бальзака. Вполне понятно, что я не разделяю всех его политических и религиозных взглядов, но разве дело в этом? Установить, был он прав либо не прав в том или ином случае, — дело моралистов. «С великими писателями не спорят, — учил нас Ален, — к ним испытывают признательность за то, что они нам дают». Да и кто отважится судить Прометея? Бальзак был то святым, то каторжником, то честным, а то подкупленным судьей, министром, светским шеголем, куртизанкой, герцогиней и всегда — гением. Мы покажем его в минуты творческого экстаза и в такие минуты, когда, «подобно моряку, вернувшемуся в порт», он предается веселью. «Ткань нашей жизни соткана из перепутанных нитей, добро и зло соседствуют в ней». Это справедливо в отношении Бальзака, как и в отношении любого из нас.

Читатель найдет в конце книги указания на источники, которыми я пользовался. Я выражаю особую признательность Мадлен Фаржо, соблаговолившей прочесть всю мою рукопись и передать мне множество еще не опубликованных документов; я приношу благодарность Андре

Шансерелю, Роже Пьерро — за его превосходные биографические заметки и Морису Бардешу, чье великолепное издание сочинений Бальзака, опубликованное «Клюб де л'Оннет Ом», было для меня просто бесценным; я глубоко благодарен моей жене, которая поддерживала меня все то время, какое я посвятил этому обширному труду, и, конечно же, заслуживает упоминания в ряду ученых-бальзаковедов. Наконец, я хочу здесь воздать должное двум ныне уже покойным людям, без которых никогда бы не возник замысел этой книги: Марселю Бутерону, ибо он первый приобщил меня к богатствам собрания Шпельбера де Лованжуля, и моему учителю Алену, который некогда, открывая мне глаза на окружающую жизнь, побудил меня броситься очертя голову в мир «Человеческой комедии». Больше я этого мира не покидал. Возраст уже не позволяет мне строить широкие планы и вести долгие научные изыскания. Это моя последняя биографическая книга. И меня радует, что ее героем стал Бальзак.

А. М.

Часть первая

Восхождение

Поговорим немного о Бальзаке, это так
благодарно.

Жерар де Нерваль

I

Бернар-Франсуа Бальзак, или Тур в годы правления Бонапарта

Второй такой семьи, как наша, во всем свете не сыскать.

Бальзак

В 1799 году, когда родился Оноре Бальзак, Франция словно выздоравливала после опасной болезни. Десять лихорадочных лет породили в стране отвращение, беспокойство и усталость. Участники плебисцита почти единодушно высказались за установление Консульства. Нацию не подвергли насилию; она подчинилась по собственной воле. Католики хотели спокойно отправлять обряды. Разбогатевшие якобинцы приняли, хоть и не без саркастической усмешки, восстановление церковного культа в надежде сохранить свои доходы. В Туре, административном центре провинции, живописно расположенном на берегу красивой реки, замирение было встречено одобрительно. В 1801 году Бонапарт назначил сюда префектом генерала де Помереля; при старом режиме Померель, который впоследствии оказался умелым администратором, был артиллерийским офицером и сотрудничал в Энциклопедии. Первый консул сохранил к нему признательность, ибо тот во время экзаменов в военном училище Бриенна высоко оценил познания юного Наполеона.

Генералу-префекту пришлось приспособливаться к политике правительства в области религии. Он открыл двери кафедрального собора Святого Гасьена священникам, которые пожелали отслужить там благодарственный молебен, затем восстановил в правах архиепископа,

монсеньора де Буажелена, и вручил ему ключи от этого храма, обратившись к церковному сановнику с патриотической речью, посвященной Конкордату. Архиепископ удовлетворялся тем, что весьма холодно ответил префекту несколькими словами, не имевшими отношения к столь важному событию.

Оба этих человека впоследствии часто вступали в конфликт. Архиепископ требовал возвращения колоколов кафедрального собора, снятых по решению мэрии; он хотел, чтобы убрали фригийские колпаки с церковных колоколен и заменили их крестами. Префект послал запрос министру, и правительство, более терпимое, чем местные якобинцы, возвратило колокола всем церквям провинции, ибо такие требования поступали отовсюду. Министр юстиции сделал Померелю выговор за то, что префект своей властью запретил какому-то священнику временно отправлять службу: «Поведение священника следовало осудить, однако было бы правильнее и уместнее не прибегать сразу же к административным мерам, а прежде снестись с его высокопреосвященством архиепископом Турским, с каковым вам и надлежит впредь советоваться в подобных случаях, дабы ваши действия оказывали умиротворяющее и благотворное воздействие на общественное мнение».

Такого рода столкновения, должно быть, немало влияли на карьеру Бернара-Франсуа Бальзака (отца Оноре) — друга и фаворита префекта.

Один довольно забавный эпизод проливает свет на образ мыслей генерала де Помереля. Дело касалось Агнессы Сорель, любовницы Карла VII, гробница которой сначала помещалась возле алтаря церкви в Лоше; затем, после смерти короля, гробница была перенесена монахами в боковую капеллу и частично разрушена во время революции. Префект принял решение реставрировать надгробную статую «дамы из Ботэ» и торжественно водрузить ее в одной из башен замка в Лоше. Он самолично составил надпись, которую надлежало высечь на саркофаге:

МОНАХИ ЛОША, ОБОГАЩЕННЫЕ ЕЕ ДАРАМИ,
ПРОСИЛИ ЛЮДОВИКА XI
РАЗРЕШИТЬ ИМ ПЕРЕНЕСТИ ГРОБНИЦУ
ПОДАЛЬШЕ ОТ АЛТАРЯ.
«Я СОГЛАСЕН, — ОТВЕЧАЛ ОН, — НО ВЕРНИТЕ ДАРЫ».
ГРОБНИЦА ОСТАЛАСЬ НА МЕСТЕ.
АРХИЕПИСКОП ТУРА,
ЧЕЛОВЕК МЕНЕЕ СПРАВЕДЛИВЫЙ,
ПЕРЕНЕС ГРОБНИЦУ В БОКОВУЮ КАПЕЛЛУ.
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ ОНА БЫЛА ТАМ РАЗРУШЕНА.
ЛЮДИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ СОБРАЛИ
ОСТАНКИ АГНЕССЫ,
И ГЕНЕРАЛ ПОМЕРЕЛЬ,
ПРЕФЕКТ ДЕПАРТАМЕНТА ЭНДР И ЛУАРА,
ВОЗДВИГ МАВЗОЛЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВНИЦЕ
НАШИХ КОРОЛЕЙ, КОТОРАЯ ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖИЛА
БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА,
ИБО В НАГРАДУ ЗА СВОЮ БЛАГОСКЛОННОСТЬ
ПОТРЕБОВАЛА ИЗГНАНИЯ АНГЛИЧАН ИЗ ФРАНЦИИ.

На тимпане фронтона генерал повелел высечь такие слова: *Я — Агнесса. Да здравствует Франция и Любовь!* Таков был стиль префекта Помереля, бравого вояки, скептика и вольнодумца; такого же стиля, только менее красноречивого, придерживался и его протезе Бернар-Франсуа Бальзак. Будучи раблезианцем, он, в отличие от Рабле, не был уроженцем Турени. Он происходил из крестьян, жителей деревушки Нугейрье, расположенной в департаменте Тарн, и его настоящая фамилия была Бальса. Корень «бальс» на лангедокском наречии означает «крутой утес». В Оверни встречаются семьи, носящие фамилии Бальзак, Бальса, Бальзан. Бернар-Франсуа, отнюдь не лишенный тщеславия, кичился тем, что он будто бы вышел из недр побежденного народа — коренных жителей Франции, галлов, которые противостояли нашествиям завоевателей; галлами были и предки весьма знатного рода Бальзаков д'Антраг. Более вероятно, что под натиском варваров крепостные принадлежавшего Бальзакам д'Антраг селения возле Бриуда переселились на берега реки Тарн. Предки Бальзака были несговорчивые крестьяне,

как пишет Луи Люме, люди «упорные, с подтянутыми животами; они примитивным плугом распахивали свои поля и засевали их рожью». Валы войны часто захлестывали их: Крестовые походы против альбигойцев, набеги наемных солдат, вторжение англичан — они все испытали. И тем не менее несколько семейств из рода Бальса преуспели — они были обязаны этим своей негибимой воле.

Дед нашего Бальзака, Бернар Бальса (1716—1778), унаследовал от отца небольшой земельный надел в деревне Нугейрье.

У него были луга, виноградники; земли собирали медленно, по клочку. В семье насчитывалось одиннадцать детей, на ночь их укладывали спать вдоль стен на тюфяках, набитых соломой. Старший из сыновей, Бернар-Франсуа, помогал отцу и пас стада. По вечерам в доме говорили о тайнике, где припрятаны деньги; этот секрет знали только члены семьи да друзья — кюре Виалар и нотариус Альбар. Смышленный и честолюбивый, Бернар-Франсуа думал: «А почему бы и мне не сделаться священником или нотариусом?» Виалар научил его читать и писать; юноша начал свою службу рассыльным и младшим клерком в конторе мэтра Альбара в Канзаке, возле Монести. Там он познакомился с обычным правом, судебной процедурой и составлением нотариальных актов. «Во всей своей наготе и безжалостной жестокости, — пишет Луи Люме, — ему открылась весьма запутанная и суровая игра переплетающихся интересов». С 1765 года его подпись больше не встречается в бумагах нотариальной конторы. Куда он направился? В Роде? Альби? Тулузу? Совсем молодым он подался в Париж; все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих.

Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал и повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Сам он, понят-

но, гордился своей карьерой. Сын небогатых крестьян, он пришел в Париж без всяких средств к существованию, с одной лишь котомкой за плечами, и сделался там клерком у прокурора, а затем, быстро поднявшись по ступенькам служебной лестницы, стал подвизаться — правда, на второстепенных ролях — в Королевском совете, где помогал готовить доклады по самым различным вопросам; столь удивительный успех свидетельствует одновременно о природном уме, обширных познаниях и нестигаемой воле. Путь, проделанный этим человеком, отражал путь целого сословия.

Бернар-Франсуа помогал Жозефу д'Альберу, докладчику Королевского совета, составлять записки и отчеты по всевозможным делам — от ликвидации французской Ост-Индской компании до соглашения о выдаче преступников, заключенного между Францией и немецкими князьями. Мы располагаем документом, который гласит, что «его величество поручает господину Бальзаку, секретарю Королевского совета, исправлять должность письмоводителя». Некоторое время он был личным секретарем морского министра Бертрана де Мольвиля. Таким образом, Бернару-Франсуа довелось иметь дело с вельможами, и он на всю жизнь сохранил к знати почтение, смешанное с завистью. Он мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу «де», что не помешало ему в 1791 году с высокомерием «полноправного гражданина» обращаться с госпожой д'Альбер, вдовой его прежнего патрона. Позднее, когда новый префект департамента Эндр и Луара запросил у Бернара-Франсуа послужной список, тот ответил: «Секретарь бывшего Государственного совета на протяжении шестнадцати лет, комиссар секции в Париже 21 июня 1791 года, в день побега бывшего короля, я затем занимал пост председателя секции, был депутатом городской коммуны, чиновником муниципалитета, комиссаром и, наконец, председателем суда, который в ту пору один рассматривал все судебные дела, возбуждавшиеся полицией города Парижа». Он ловко следовал крутым поворотам революции.

Однако во время бегства короля в Варенн лояльность Бернара-Франсуа была, видимо, взята под сомнение. Оппортунист по необходимости, но человек от природы великодушный, он, по слухам, спасал роялистов — своих прежних покровителей и друзей. Один из членов Конвента, интересовавшийся судьбой гражданина Бальзака, посоветовал ему уехать из столицы. И он нашел прибежище в Валансьенне, постаравшись обратить этот вынужденный шаг себе на пользу. Бернар-Франсуа писал:

«В ту пору для обеспечения сохранности имущества и для управления службами, снабжавшими армию Севера, нужен был человек весьма надежный... Выбор пал на меня. Мне поручено было ведать одновременно: во-первых, провиантом; во-вторых, фуражом; в-третьих, топливом и свечами; в-четвертых, снабжением провизией города Парижа; в-пятых, снабжением провизией армии... Я один возглавлял все эти пять служб вплоть до победы при Флерюсе... Ни один из моих подчиненных не был ни задержан, ни посажен в тюрьму — настолько велика была моя неусыпная и справедливая бдительность... Я представил пять отчетов о своей деятельности. И располагаю официальными подтверждениями на сей счет».

Черт побери! Каков мастер на все руки! И как торжественно уверяет он в своей честности. Но остается фактом, что Бернар-Франсуа Бальзак играл определенную роль в полувоенном управлении, снабжавшем армию провиантом: он служил под началом Даниэля Думерка, у которого была «рука во всех ведомствах, занимавшихся поставками».

После битвы при Флерюсе (1794) Бернар-Франсуа получил пост в Бресте, а затем в Туре; город этот, по его словам, был «важным пунктом, единственным центром, где имелись запасы, необходимые для ведения войны против шуанов и Вандеи». Итак, в 1797 году мы застаем его в Туре, он снабжает армию провиантом; не будучи человеком богатым, он живет в свое удовольствие; этот представительный мужчина щеголяет в красивом синем

мундире, расшитом серебром, из-под высоко поднятых кончиков воротника выглядывает белый шейный платок. Ему исполнился пятьдесят один год, но он все еще холост, и его патрон Думерк решает женить Бернара-Франсуа на очень красивой юной девице: ее зовут Лора Саламбье, и она на тридцать два года моложе своего суженого.

Родители невесты были счастливой четой. В молодости Жозеф Саламбье лишился чувств от радости, когда Софи Шове, впоследствии его «столь верная супруга», согласилась выйти за него замуж. Саламбье, секретарь виконта де Бона, бригадного генерала королевской армии, подписавшего брачный контракт своего подчиненного, происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов: «Фирма „Золотое руно“» на улице Оноре, возле улицы Бурдонне, Саламбье — золотошвей, басонщик и суконщик — изготавливает и продает все необходимое для гражданской и военной форменной одежды». Семейство Саламбье принадлежало к числу весьма уважаемых в квартале Марэ, где жили богатые коммерсанты. Один из членов этого семейства женился в Эльбефе на Марте-Регине Лежен, дочери фабриканта сукон. Другой из рода Саламбье ведал обмундированием и экипировкой войск. Многочисленные связи соединяли эту семью с семьей Маршан; одна из дочерей Маршана вышла замуж за Шарля Седийо. Среди представителей блистательного рода Седийо можно назвать ученых-ориенталистов, хирургов и даже одного астронома, помощника председателя Математического общества при Парижской обсерватории. Из квартала Марэ шли и в Академию.

Госпожа Саламбье, женщина нервическая и энергичная, разработала для воспитания дочери целую систему строгих правил:

«Настоятельно советую моей дочери Лоре, когда она садится писать, не горбиться, вытягивать пальцы и старательно держать перо, с тем чтобы выработать красивый почерк... Я не стану напоминать ей о том, что надо

быть разумной; она обещала мне относиться предупредительно ко всем окружающим, а главное — к *Своей Матери...*»

Прописные буквы принадлежат Софи Саламбье. Затем следовал:

РАСПОРЯДОК ДНЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ ЛОРЫ

Понедельник:

В 7 часов — подъем.
С 7 до 8 часов — уход за собой.
С 8 до 9 часов — завтрак и отдых.
С 9 до 10 часов — чистописание.
С 10 до 12 часов — полезные занятия.

Замечания:

Чистить зубы, мыть руки, лицо, прибирать в комнате.
Я понимаю под «полезными занятиями»: шитье, вязание, плетение кружев, вышивание; наряды для куклы шить в часы отдыха.

И так изо дня в день все было размечено по часам: «В воскресенье после завтрака составляется расписание на следующую неделю». Если ее строгим правилам подчинялись, госпожа Саламбье становилась «обворожительна», но она повинна в том, что ее дочь Лора выросла раздражительной.

Саламбье занимали гораздо более высокую ступеньку на социальной лестнице, чем Бернар-Франсуа Бальзак. Почему же они выдали за этого пятидесятилетнего мужчину свою юную и очаровательную дочь? Быть может, потому, что карьера Бернара-Франсуа походила на карьеру Жозефа Саламбье. Оба принадлежали к «интендантскому ведомству», оба были франкмасонами. Они чувствовали себя единомышленниками и сообщниками. Лора Саламбье получала в приданое ферму Волайль прихода Газеран, в одном лье от Рамбуйе; в брачном контракте ее стоимость была определена в тридцать тысяч франков (чтобы уменьшить сумму налога), но на деле ферма стоила от ста двадцати до ста тридцати тысяч франков. Будущий супруг гарантировал, со своей стороны, вдобавку часть в сумме тысячи восьмисот франков ежегодно-

го дохода. Надо сказать, Бернар-Франсуа располагал более чем скромным состоянием: помимо жалованья, он владел небольшой рентой и участвовал в «тонгине Лафаржа». «Тонгина» представляла собой сообщество людей, внесших определенную сумму, причем каждый при жизни пользовался доходами с этого капитала, а самый капитал переходил в собственность тех, кто проживет дольше остальных. Самые долголетние из членов сообщества должны были получить огромные суммы.

Бернар-Франсуа не сомневался в том, что доживет до ста лет. Он чувствовал, что выкован из великолепного металла! Своими предками он считал галлов, гóтов и римлян и полагал, что унаследовал лучшие качества этих народов: здоровье, мужество и терпение. Ученик Руссо, он следовал здоровой воздержанности; любил молоко и древесные соки; обожал гулять пешком. Вставал и ложился с петухами. И кичился тем, что в жизни не обращался к врачу, не дал аптекарю заработать даже десяти су. Он шествовал с видом победителя, высоко поднимая голову, и любил повторять: «Я прям, как ствол, и силен, как вол».

Франкмасон, принадлежавший к ложе города Тура, он увлекался чтением Библии и прилежно изучал историю папства, церковных расколов, ересей, а также проявлял интерес к китайской цивилизации. В политике он следовал примеру Бонапарта. Он не отрицал революцию, но порицал крайности и сведение личных счетов, которые ей сопутствовали. Его дочь Лора писала:

«Мой отец своими философскими воззрениями, оригинальностью и добротой походил одновременно на Монтеня, Рабле и дядюшку Тоби. Подобно дядюшке Тоби, он был одержим навязчивой идеей. Такой навязчивой идеей у моего отца было *здоровье*. Он так любил жизнь, что мечтал жить как можно дольше. Отец высчитал, основываясь на том, сколько лет нужно человеку, чтобы достичь *полного физического расцвета*, что сам он будет жить до ста лет и *далее*... Он необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы сохранить, как он выражался, *равновесие жизненных сил*.

Его оригинальность вошла в Туре в поговорку, она проявлялась как в речах, так и в поступках; он ничего не говорил и не делал, как другие; Гофман мог бы превратить его в действующее лицо одного из своих фантастических творений. Отец мой часто потешался над людьми и обвинял их в том, что они будто бы сами причина своих несчастий; встречая обиженного природой человека, он возмущался его родителями, а главное — властями, которые гораздо меньше заботятся об улучшении человеческого рода, нежели об улучшении породы домашних животных. На сей весьма скользкий предмет у него существовали довольно странные теории, из которых он делал не менее странные выводы.

„Но к чему стану я делать свои мысли общим достоянием? — вопрошал он, прохаживаясь по комнате в крытом красновато-коричневым шелком стеганом жилете, кутая шею в толстый платок, который он носил, следуя моде времен Директории. — Меня лишний раз назовут *оригиналом* (слово это выводило его из себя), но при этом не станет меньше ни одним заморышем, ни одним золотушным существом“».

Жена Бернара-Франсуа подвергала серьезному испытанию жизненную философию мужа и его терпение. Красавица с правильными, тонкими, даже несколько острыми чертами лица, кокетка, нередко чопорная и холодная, она была женщиной энергичной, но суровой. Госпожа Бальзак получила хорошее воспитание у монахинь обители Святого Гервасия в Париже. Подобно матери, она верила в оккультные науки, колдовство и ясновидение.

Семейство Бальзак жило на широкую ногу. Когда была открыта подписка с целью основать лицей в Туре, гражданин Бальзак пожертвовал 1300 франков, префект — 1000 франков, архиепископ — 600 франков. Помимо ренты и доходов, которые приносила ферма жены, Бернар-Франсуа получал жалованье в нескольких местах. Померель, который был знаком с ним «по трудам и походам», назначил Бальзака помощником мэра в Туре и попечителем богоугодных заведений.

Супруги сперва проживали на улице Итальянской Армии, снимая там дом. 20 мая 1798 года, через год и три месяца после свадьбы, Лора Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но младенец прожил всего месяц и три дня. Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семействе Бальзак родился второй ребенок, Оноре, родители поручили его кормилице — жене жандарма в селении Сен-Сир-сюр-Луар. Еще через год ей же отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя.

«Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери? Чему я обязан своим появлением на свет? Чувствую ли долга родителей или случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих»¹.

В действительности же госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребенка, которого она сама кормила грудью, на сей раз подчинилась распространенному в те времена обычаю. Правда, надо признать, что, хотя дети ее жили неподалеку, молодая мать редко их навещала.

Кормилица Оноре и Лоры была славная женщина. К несчастью, ее муж выпивал и, захмелев, буянил. Все же Бальзак сохранил на редкость приятные воспоминания о пригорке на берегу Луары, где они жили, и о том, как он с утра до вечера сооружал там «из камешков и прибрежного ила игрушечные замки», а главное — о своей «помощнице в строительных работах», сестренке Лоре, «прелестной, как Мадонна Рафаэля». Сдержан-

¹ *Бальзак*. Лилия долины. (Здесь и далее цитаты из произведений Бальзака даются по: *Бальзак О. де*. Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960.)

ность родителей привела к тому, что его братские чувства к ней стали особенно нежными. Лора Сюрвиль вспоминает:

«Я была всего двумя годами моложе Оноре¹, родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибежал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины. Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: „В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!“»

Оноре несколько лет прожил в селении, белые домики которого выстроились в ряд вдоль высокого берега Луары, «обсаженного великолепными тополями с негромко шелестевшей листвой». Широкая река катила свои воды между песчаными отмелями и зелеными островами. Мальчик любовался очаровательными пейзажами, «где царит не величавая и могучая, а наивная красота природы». На противоположном берегу убежали вдаль «бархатистые, в белых пятнах» холмы — там уступами располагались замки. «Первые мои взгляды устремлялись к твоему чистому небу, по которому бежали легкие облака». Ландшафтам Турени предстояло на всю жизнь остаться для Бальзака идеалом прекрасного, чудесным обрамлением самой нежной любви.

В четыре года его вернули в Тур, под родительский кров. Мать не сумела вызвать у детей любовь к себе. Оноре, пишет его сестра Лора, был «прелестный ребенок; ве-

¹ В действительности Лора была моложе брата на год и четыре месяца (20 мая 1799 г. — 29 сентября 1800 г.). — *Примеч. авт.*

сельный нрав, хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, темные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые черные волосы — все заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок». Этот милостивый мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал «суровый и испепелявший, как пламя, взгляд». Мать Бальзака «не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг». Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь испортили ее характер.

Вторая сестра Оноре, Лоранс, родилась 18 апреля 1802 года, и по случаю ее крещения Бальзаки прибавили к своей фамилии дворянскую частицу «де», которую они, впрочем, впоследствии то употребляли, то опускали. Бернар-Франсуа быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерал-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Сделавшись помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму в Газеране, принадлежавшую жене, Бернар-Франсуа приобрел красивый особняк со старинной деревянной обшивкой, с конюшнями и садом; дом этот под номером 29 помещался на улице Эндр-и-Луара: «Улица эта... императоров достойна... улица о двух тротуарах... искусно вымощенная, красиво застроенная, отлично прибранная и умытая, гладкая как зеркало; царица всех улиц... единственная улица в Туре, достойная так называться»¹. Неделю спустя он купил ферму Сен-Лазар — на дороге из Тура в Сент-Авертен. Ферма, принадлежавшая государству, была конфискованной во время революции церковным владением; это отпугивало святош, и потому покупка оказалась выгодной.

Еще более честолюбивый, чем прежде, убежденный в том, что, пользуясь негласной поддержкой, можно всего добиться, Бернар-Франсуа плел интриги, и у него все не оставалось времени для воспитания детей. Его

¹ *Бальзак. Озорные рассказы.*

очень молодая и очень хорошенькая жена с упоением кружилась в вихре светской жизни; она пленяла и простоватых владельцев окрестных замков, и англичан, которые в ту пору не имели права покидать Тур.

Впоследствии, уже в пожилом возрасте, она говорила дочери: «Будучи женой немолодого человека, я вынуждена была соблюдать особую осмотрительность и держать на расстоянии тех, кто находил меня красивой; несколько суровое выражение моего лица приводило к тому, что меня считали скорее неприветливой, нежели любезной». Тщетная предосторожность! Завистливые местные дамы находили «ее наряды слишком изысканными» и намекали, что муж Лоры Бальзак чересчур преуспевает в делах. Своими успехами и победами она восстановила против себя всех добродетельных женщин города. «Твой отец, помня о своем преклонном возрасте, был настолько деликатен, что ничего не говорил мне». Он ничего не сказал и тогда, когда пошли разговоры о связи его жены с господином де Маргонном, владельцем замка в Саше. В глазах Бернара-Франсуа мир в семье был важнейшим условием долголетия.

Семья Маргонн занимала промежуточное положение между буржуазией и мелким дворянством. По общему мнению, члены семьи имели полное право на дворянскую частицу «де», однако Жан де Маргонн подписывался просто «Маргонн» — так он и фигурировал в реестрах городской мэрии. Этот красивый молодой человек, родившийся в 1780 году, женился в 1803 году на своей кузине Анне де Савари, молодой девушке невысокого роста, с желтым лицом, горбатой и угрюмой; она принесла ему в приданое земельные угодья в Саше с тремя усадьбами, двумя фермами и шестью мельницами. Мессир Анри-Жозеф де Савари, мелкий дворянин, бывший кавалерийский офицер, приобрел в Вуврэ поместье Кайери с большим виноградником. Он носил парик, содержал любовницу-служанку, и «под его обманчивой простотою скрывалась чисто крестьянская осторожность». Его зять Маргонн — человек элегантный, холодный, слишком «городской» для того, чтобы похо-

ронить себя в деревне, — до 1815 года жил больше в Туре, нежели в Саше. Желая иметь благовидный предлог для того, чтобы оставаться в городе, он стал офицером городской когорты — этого цвета национальной гвардии. По воскресеньям он дефилировал со своими гренадерами по городскому бульвару и Королевской улице. Быть может, видя, как торжественно выступает в своем парадном мундире этот видный собой, самодовольный человек, Лора Бальзак — если иметь в виду семейные предания и законы вероятности — и влюбилась в него. Всякая любовная связь целиком поглощает женщину. Даже после того, как сын и дочь вернулись из Сен-Сир-сюр-Луар домой, мать виделась с ними только по воскресеньям.

Оноре, Лора и Лоранс были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмеялась над тем, что мальчик мог подолгу не отрываясь смотреть на звезды. Совсем еще ребенком он разыгрывал небольшие комические сценки, чтобы позабавить сестер. Его сестра Лора вспоминает:

«Часами он пикировал на маленькой скрипке, и по его сияющему лицу было ясно видно, что в ушах у него звучат чудесные мелодии. Вот почему он очень удивлялся, когда я умоляла его прекратить этот кошачий концерт. „Неужели ты не слышишь, как это красиво?“ — спрашивал он меня».

Оноре обладал счастливым свойством — он жил в воображаемом мире, и в его ушах звучали божественные аккорды, которых никто, кроме него, не слышал.

Самым примечательным событием первых лет его жизни было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Саламбье пожелали познакомиться с внуком. Госпожа Бальзак повезла сына к ним, и старики были просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками. Не привыкший

к такому ласковому обращению Оноре, возвратившись к себе, без конца рассказывал сестрам, какой хороший дом у дедушки и бабушки, какой там красивый сад и какой у них чудесный сторожевой пес по имени Муш. Госпожа Саламбье, со своей стороны, охотно описывала всем следующую забавную сценку, о которой вспоминает Лора Сюрвиль:

«Однажды вечером, когда по ее приказу принесли волшебный фонарь для Оноре, мальчик, обнаружив, что среди зрителей нет его приятеля Муша, поднялся и крикнул властным тоном: „Обождите!“ (Он знал, что может распоряжаться в доме своего деда.) Затем выбежал из гостиной и тотчас же вернулся, таща за собой собаку, которой сказал: „Садись здесь, Муш, и смотри; это тебе ничего не будет стоить, заплатит дедушка!“»

Слова детей служат безыскусственным эхом тех речей, которые родители стремятся сохранить в тайне. Родители Бальзака слишком много говорили о деньгах и о наследстве. Увы! Через несколько месяцев после этой поездки дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе для мальчика. Немного позднее госпожа Саламбье переехала жить к своей дочери. У нее была рента, приносявшая пять тысяч франков в год, но она совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который поместил его в рискованное предприятие, представлявшееся ему «блистательным»; в результате почтенная дама потеряла сорок тысяч франков. Госпожа Саламбье охотно баловала бы своих внуков, но этому мешала суровость ее дочери. Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что сама займется его образованием. Зато он любил слушать пышные тирады и забавные остроты отца, хотя и не понимал их. Госпожа Бальзак отдала дочерей в пансион Воке, а сына — в пансион Легэ, где он был «приходящим учеником по классу чтения», за него платили шесть франков в месяц. Катехизису мальчика обучал аббат Лаберж. Госпожа Бальзак, платившая «за стулья» в кафедральном соборе Святого Гасьена, водила

сына слушать церковную службу. Чем менее добродетельным становилось ее собственное поведение, тем больше благочестия она выказывала.

Когда Оноре исполнилось восемь лет, мать решила определить его пансионером в Вандомский коллеж. Надо сказать, что в это время она ожидала рождения ребенка, отцом которого злые языки называли Жана де Маргонна. Оноре было горько расставаться со своей милой сестренкой, подругой «в невзгодах и печали». Он, видимо, преувеличивал из обостренной чувствительности огорчения, выпадавшие на их долю в детстве. Позднее он заявит: «У меня никогда не было матери». Это уж слишком, горькие слова написаны Бальзаком в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительного или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу.

II

Рано созревший философ

Как ребенок, называя свое имя, говорит о себе в третьем лице, так и романист наделяет собственными чертами множество своих персонажей.

Ролан Барт

Вандомский коллеж, куда Бальзак поступил в 1807 году восьмилетним мальчиком, был одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов посвящали себя воспитанию юношества, но слыли либералами, что должно было нравиться Бернару-Франсуа. И в самом деле, два человека, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак, — Маршалль и Дессень — при-